

Зов

I ЧАСТЬ

Съерра Клэнтон Мадрид никак не могла унять дрожь. Желудок свело. Голова раскалывалась от сильной пульсирующей боли. С того момента как Алекс поведал ей новость, видимо, резко подскочило давление.

Такой головной боли у нее не было со временем школьного бала, который по традиции устраивался для старшеклассников. В тот день Алекс заехал за ней на видавшем виды «шевроле» буквально за три минуты до появления ее отца на подъездной аллее. Еще ни разу на ее памяти отец не приезжал домой так рано. Ей следовало догадаться, что это произойдет именно в тот день. Она до сих пор не может забыть выражение его лица, когда он увидел Алекса, длинноволосого красавца латиноамериканских кровей во взятом напрокат смокинге, стоящего на широком крыльце их семейного викторианского особняка на Мэтсен-стрит. И как назло, именно в эту минуту Алекс потянулся к ней с тем, чтобы приколоть орхидею к ее затейливому наряду. Когда Съерра услышала, как хлопнула дверца машины отца, она едва не лишилась чувств от страха.

Именно тогда началась головная боль, которая только усилилась от вопроса, застывшего в глазах Алекса.

— В чем дело? — спросил он.

Что она могла ответить ему? Да, она говорила отцу об Алексе, просто она сказала не все.

Отец и Алекс стали пререкаться, но, к счастью, вмешалась мама и успокоила отца.

В конце концов Алекс проводил ее к машине, которую взял на вечер у своих родителей, и помог сесть. В это время отец Сьерры стоял на ступеньках крыльца, испепеляя Алекса взглядом. А тот даже не смотрел на нее, пока заводил машину и выводил «шевроле» с обочины на дорогу. Они уже проехали половину пути в Санта-Розу, прежде чем он заговорил:

— Ты что, не сказала ему, кто повезет тебя на бал, да?

— Нет, сказала.

— Ну конечно, просто забыла упомянуть кое-какие важные подробности, так, *chiquita**?

Он никогда не называл ее так прежде, что, по всей видимости, не предвещало ничего хорошего для предстоящего вечера. Больше он не проронил ни единого слова на протяжении всего пути к дорогому ресторану в Санта-Розе. Она заказала что-то дешевое, что еще больше распалило его ярость.

— Ты думаешь, я не в состоянии оплатить что-то более существенное, чем обычный салат?

С пылающим лицом Сьерра заказала такой же, как у него, увесистый кусок ростбифа, но он не стал выглядеть счастливей.

Дальше все пошло еще хуже. К десяти Алекс вообще перестал разговаривать. Для нее же все закончилось в туалетной комнате ресторана «Вилла де Шантеклер», где она распрощалась с прекрасным обедом, которым он ее угостил.

Она была до безумия влюблена в Александро Луиса Мадрида. И слово «безумие» здесь ключевое. Отец предупреждал ее. Ей следовало послушаться.

А теперь она выплакала все глаза, пока ехала по шоссе Олд-Редвуд, которое соединяло Виндзор с Хилдсбургом. Сьерра была в смятении, она предпочла бы остаться в теперь уже «романтичном прошлом», нежели пребывать в пугающем неопределенностью настоящем и будущем.

Таким вот бедствием оказался тот школьный бал. В то время как большинство ее одноклассников разъехались на вечеринки и кутили до рассвета, Алекс отвез ее домой задолго до полуночи. У парадного входа в дом горел чересчур яркий свет. Вероятно, пока она отсутствовала, отец сменил лампочку в 60 ватт

---

* Малышка (*исп.*).

на другую, мощностью в 250. Даже в доме в ту ночь горели все светильники.

Словом, света было предостаточно, чтобы увидеть, как Алекс кипел от злости. Но выражение его лица таило в себе нечто более глубокое, чем просто злость. Она буквально чувствовала его страдание, скрытое за холодной отстраненностью. Сьерра тогда подумала, что он сейчас просто уйдет. К несчастью, он не намеревался уходить прежде, чем выскажется.

— Было ошибкой вообще связываться с тобой, я знал.

Его слова острой болью отозвались в сердце девушки. А он продолжал говорить:

— Я не герой шекспировской трагедии, Сьерра. Я не Ромео. И не для того я пригласил тебя, чтобы позабавиться.

Сказав это, он отвернулся и пошел прочь, он был уже у самой лестницы, когда она наконец смогла проговорить сквозь душившие ее слезы:

— Я люблю тебя, Алекс.

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Что ты сказала?

В его глубоких темных глазах еще пылала злость — и основания на это у него, конечно, были. Она ведь не задумывалась о том, чего стоили ему все ее недомолвки. Она заботилась только о том, как избежать стычек с отцом.

Алекс стоял и ждал.

— Я... Я сказала, что люблю тебя.

— Скажи это по-испански, — потребовал он таким тоном, каким обычно отчитывал ее.

Она сглотнула, лихорадочно гадая, не раздумывает ли он, как больнее унизить ее, перед тем как навсегда исчезнуть из ее жизни.

— Te amo, Alejandro Luís Madrid. Corazón y alma*.

Потом она разрыдалась, прерывисто, тяжело всхлипывая. Он обнял ее и на испанском языке обрушил поток своих чувств. Конечно, нельзя сказать, что она поняла все слова, но по глазам и по его прикосновениям она почувствовала, что любима.

На протяжении многих лет он еще не раз, в моменты сильных эмоциональных потрясений будет вдруг переходить на свой родной

---

* Я люблю тебя, Александро Луис Мадрид. Всем сердцем и душой (исп.).

язык. Он говорил по-испански в их первую брачную ночь, и еще, когда она сказала ему, что беременна. Он плакал и что-то шептал на своем языке в те светлые утренние часы, когда Клэнтон пробивал себе дорогу в этот мир, и потом, когда родилась Каролина. И, глотая слезы, говорил по-испански в ту ночь, когда умер ее отец.

Но этой ночью на крыльце они оба забыли о ярком освещении. Они вообще забыли обо всем на свете, пока не распахнулась входная дверь и отец не велел ему уйти.

Ей запретили встречаться с ним. В то время ее отцу было откровенно безразлично, что Алекс был четвертым по успеваемости на курсе из двухсот человек. Важным для него было только то, что Луис Мадрид, отец Алекса, был «одним из этих латиносов», которые работали на виноградниках в округе Сонома. Ее отца также вовсе не заботило, что Алекс работал по сорок часов в неделю на местной газовой станции, чтобы скопить денег на учебу в колледже.

— Желаю ему удачи, — сказал отец, и было совершенно ясно, что как раз удачи он желает Алексу в последнюю очередь.

Сьерра приводила доводы, улещивала его, хныкала и умоляла. Обратилась за помощью к матери, которая на удивление поспешно отказалась принять ее сторону. В отчаянии она пригрозила, что сбежит из дома или покончит жизнь самоубийством. Этим она привлекла к себе внимание.

— Стоит тебе хоть раз позвонить этому латиносу, и я звоню в полицию! — кричал отец. — Тебе пятнадцать. Ему восемнадцать. Я сделаю так, что его посадят!

— Если ты это сделаешь, я скажу в полиции, что ты жестоко обращаешься со мной!

Отец тогда позвонил тетке в Мерсед и договорился отослать к ней племянницу на несколько недель, чтобы остудить пыл Сьерры.

Алекс ждал ее. Но когда она вернулась, он оказался еще не-говорчивей, чем ее упрямый родитель. В запасе у него имелась парочка лаконичных испанских словечек, с помощью которых он четко выразил свое отношение к идее Сьерры встречаться тайно. Алекс как истинный боец предпочитал действовать открыто. И она никак не предполагала, что он дерзнет самостоятельно решить проблему. Однажды он просто появился у ее дома, через пять

минут после прихода отца с работы. Позже она узнала от соседки, что около часа Алекс поджидал его на улице. Мать из сочувствия к их затруднениям пригласила Алекса пройти в холл, пока не придет отец и не выставит его вон.

Крепко стиснув руль своей «хонды-аккорд», Сьерра вспоминала, что она почувствовала в тот день, когда увидела Алекса в холле между отцом и матерью. Она была совершенно уверена, что отец убьет его или, по меньшей мере, изобьет до полусмерти.

— Что он здесь делает?

Даже сейчас она слышала гнев в голосе отца, когда тот швырнул свой кейс на пол. Сьерра была абсолютно убеждена в том, что отец лишь освободил руки, чтобы вцепиться в горло Алекса.

Молодой человек отошел от матери Сьерры и повернулся лицом к отцу.

— Я пришел просить разрешения встречаться с вашей дочерью.

— Разрешения! Так же, как вы испросили разрешения повезти ее на школьный бал?

— Я думал, Сьерра решила этот вопрос. Я ошибся.

— Именно! Вы очень ошиблись! А теперь уходите отсюда!

— Брайан, дай молодому человеку шанс ис...

— Не вмешивайся, Марианна!

Здесь Алекс проявил твердость своего характера.

— Все, что я прошу, — это выслушать меня.

Он даже не заметил, что Сьерра стояла наверху лестницы.

— Я не желаю ничего слушать.

Выглядели они как два ощетинившихся пса.

— Папочка, пожалуйста... — сказала Сьерра, спускаясь по лестнице. — Мы любим друг друга.

— Они, видите ли, любят друг друга! Сомневаюсь, что он тебя любит.

— Ты не понимаешь! — сдавленным голосом воскликнула она.

— Я многое понимаю! Марш к себе в комнату!

— Без Алекса я никуда не пойду, — заявила она в ответ, спустившись в холл и заняв место рядом со своим любимым. И в этот самый миг она вдруг отчетливо поняла, что стоит отцу лишь двинуться в сторону ее Алекса, и она сделает все, что в ее силах, чтобы остановить его. Никогда еще она не испытывала такой яростной решимости!

Алекс схватил ее за руку и решительно подтолкнул — Сьерра оказалась за его спиной.

— Это мужской разговор. Не вмешивайся.

И пока он говорил, он ни разу не отвел взгляда от отца.

— Убирайтесь из моего дома.

— Все, что мне нужно, это несколько минут разговора с вами, мистер Клэнтон. Если после этого вы мне укажете на дверь, я отступлю.

— Прямо в Мексику?

— Брайан!

Как только отец произнес эти слова, лицо его приобрело свекольно-красный оттенок. Алекс же под влиянием своих собственных предубеждений не намеревался легко уступать.

— Я родился в Хилдсбурге, мистер Клэнтон. Как, собственно, и вы. Мой отец официально прошел тест на получение гражданства десять лет назад. Он сдал экзамены на отлично. На все пятьдесят звездочек. В своей жизни он ни разу не обращался к государству за помощью и не взял ни одного доллара из социальных пособий. Он усердно трудится на своей работе и, возможно, усерднее, чем вы в вашем роскошном офисе в центре города занимаетесь вопросами недвижимости. Мы живем не в викторианском особняке, — сказал он, быстрым выразительным взглядом окинув помещение, — но и не в лачуге.

Его небольшая пламенная речь не изменила ситуацию к лучшему.

— Вы закончили? — спросил отец, легкое смущение которого уже выгорело в испепеляющей ярости.

— Вам, вероятно, приятно будет услышать, что мои отец и мать с таким же неодобрением относятся к моему выбору, как и вы.

От глубокого изумления у Сьерры открылся рот.

— Не одобряют Сьерру? — возмутился оскорбленный отец. — Почему?

— Почему, как вы думаете, мистер Клэнтон? Она белая, и она протестантка.

— Может быть, вам следует прислушаться.

— Я прислушиваюсь к их мнению. Я глубоко уважаю своих родителей, но у меня есть и свое мнение. Я так понимаю: фанатик есть фанатик, вне зависимости от цвета кожи.

Долгая напряженная тишина повисла в холле.

— Итак, — с непреклонной решимостью продолжил Алекс, — будем говорить или мне уйти?

Полный решимости отказать, отец быстро взглянул на Сьерру, потом на Алекса.

— Будем говорить, — и он кивнул головой в сторону комнаты. — Сомневаюсь только, что вам понравится то, что я собираюсь сказать.

Следующие два часа они провели в небольшом кабинете, окна которого выходили на сторону фасада, а в это время на кухне в обществе матери Сьерра то горько плакала, то злилась, придумывая, что именно она сделает, если отец запретит ей встречаться с Алексом. Мать в этот день говорила немного.

Когда отец вошел в кухню, то первым делом сказал, что Алекс ушел. Но далее, прежде чем она успела выпалить все свои обиды и обвинения, он сообщил, что она может видеться с ним вновь, если согласится неукоснительно следовать правилам, совместно установленным обоими мужчинами. Один разговор вечером по телефону, не больше трех минут и только после того, как она закончит делать уроки. Никаких свиданий с понедельника по четверг. В пятницу ей предписывалось быть дома к одиннадцати вечера. В субботу к десяти. Да, именно к десяти. Ей необходимо как следует выспаться перед тем, как ранним утром пойти в церковь на богослужение. Если ее оценки станут ниже хотя бы на полбалла, Алекс навсегда исчезнет из ее жизни. Если пропустит воскресную службу — те же последствия.

— И Алекс согласился?

— Да, он согласился.

Ей, конечно, не понравилось ни одно из перечисленных условий, но она была так влюблена, что готова была согласиться с чем угодно, и отец знал это.

— Этот парень когда-нибудь разобьет твое сердце, Сьерра.

Теперь, спустя четырнадцать лет, именно это он и совершил.

Вытирая неустанно набегавшие слезы, Сьерра проехала мост над рекой Раэн и повернула направо.

Она понимала, что отец надеялся на постепенное охлаждение в их отношениях, которое непременно настало бы спустя какое-то время. Не знал он тогда Алекса, как не увидел и той решимости и безудержной напористости, которые были так свойственны на-

туре этого молодого человека. Алекс с отличием окончил среднюю школу и поступил в местный, с двухлетним сроком обучения, колледж в Санта-Розе. Сьерра хотела бросить школу и выйти за него замуж, чтобы работать и помогать ему оплачивать колледж, ведь это так романтично. Но идея была зарублена на корню. Алекс категорично заявил, что собирается получить образование только своими силами, и, естественно, он не хочет иметь в женах безграмотную дурочку. Он за полтора года справился с программой колледжа в Санта-Розе и поступил в Калифорнийский университет в Беркли, где выбрал бизнес-курс с углубленным изучением компьютерных технологий. Она же, в свою очередь, окончила школу и пошла на курсы секретарей, считая дни до получения Алексом диплома.

Как только Алекс вернулся в Хилдсбург, он нашел работу в компании «Хьюлетт-Паккард» в Санта-Розе, купил подержанную машину и снял небольшой одноэтажный домик в Виндзоре.

Когда они не смогли прийти к общему с родителями соглашению по поводу проведения свадебной церемонии, то сбежали в Рино, что, честно говоря, никому не принесло особой радости.

Они были женаты десять лет. Десять чудесных лет. Все это время она думала, что Алекс так же безмерно счастлив, как и она. Ее ни разу не посетило сомнение, и она никогда не задумывалась, что происходило в глубине его души. Почему она не понимала? Почему Алекс прямо и сразу же не сказал ей о своей неудовлетворенности?

Сьерра припарковала свою «хонду» на подъездной дорожке викторианского особняка на Мэтсен-стрит, моля Бога, чтобы мать оказалась дома. Мама всегда умела находить нужные в разговоре с отцом доводы и урезонивать его. Возможно, она и Сьерре поможет найти подходящие слова и уговорить Алекса отказаться от своих планов на их будущее.

Сьерра открыла входную дверь, вошла в холл.

— Мама?

Она закрыла за собой дверь и прошла по коридору на кухню. Чуть было не позвала отца, но вовремя одернула себя.

Острой болью в сердце отозвалось воспоминание о том позднем, в три часа ночи, звонке, раздавшемся в их с Алексом доме два года тому назад. Никогда — ни до того, ни после — ей не приходилось слышать такой голос матери.

— У твоего отца инфаркт, дорогая. «Скорая» уже здесь.

Они встретились у главной городской больницы Хилдсбурга, было уже поздно.

— Он жаловался на несварение этим утром, — потерянно сказала мама. — И плечо у него болело.

Сейчас Сьерра задержалась перед дверью в кабинет отца и заглянула туда, в безумной надежде увидеть его сидящим у своего рабочего стола и читающим в газете раздел, посвященный недвижимости. Она все еще скучала по отцу. Странно, но Алексу тоже его недоставало. После рождения Клэнтона и Каролины они с отцом сблизились: удивительно, но внуки сумели разрушить стену между ними. До рождения детей Сьерра и Алекс редко виделись с родителями. Отец Сьерры всегда находил какую-нибудь убедительную причину, чтобы не принять приглашение на обед. Родители Алекса поступали таким же образом.

Но все изменилось с того момента, как у нее начались схватки. Все как один приехали в больницу Кайзера в ночь, когда Сьерра рожала. Алекс поцеловал ее и предложил, смеясь, назвать их сына Миротворцем. Они остановились на имени Клэнтон Луис Мадрид, объединив имена обеих семей. Когда через год родилась Каролина Мария, Клэнтоны и семья Мадрид уже хорошо знали друг друга. Теперь у них был хороший повод для частых встреч. И, к своему удивлению, родители молодых людей обнаружили, что у них очень много общего, больше, чем они представляли.

— Мама?

Сьерра позвала вновь, не найдя никого на кухне. Она выглянула в окно, выходившее в сад, мать часто можно было застать за работой на заднем дворе. Там ее тоже не оказалось. «Бьюик-ригал» стоял на подъездной дорожке, так что, решила Сьерра, мама вряд ли уехала на одно из своих многочисленных благотворительных мероприятий или в церковь.

Сьерра вернулась назад по коридору к лестнице.

— Мама?

Может, мама решила вздрогнуть? Сьерра заглянула в большую родительскую спальню. Яркий шерстяной плед был аккуратно сложен на кровати.

— Мама?

— Я на чердаке, дорогая. Поднимайся сюда.

В полном недоумении Сье́рра прошла по коридору и стала подниматься по узкой лестнице.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Сье́рра, как только переступила порог забитого вещами чердака. Небольшие мансардные окна были открыты. Легкий, нагретый солнцем ветерок освежал пыльное помещение. Частички пыли выплясывали в солнечных лучах. Пахло замшелой древностью и заброшенностью.

Чердак всегда пленял, зачаровывал Сье́рру, и, как только она огляделась, все ее невзгоды мгновенно улетучились. Садовые стулья были сложены в дальнем углу. Прямо у двери стоял большой молочный бидон, из которого торчали старые зонтики, две тросточки и одна массивная изогнутая трость для прогулок. Плетеные корзинки разнообразных форм и размеров лежали на полке. Коробки с таинственным содержимым свалены грудой.

Сколько раз им с братом приходилось прибирать свои комнаты, сортировать, складывать в ящики, да и просто распихивать потерявшие свою функциональную значимость вещи по разным углам чердака? Когда бабушка и дедушка умерли, коробки из принадлежавшего им дома тоже поселились в этой сумрачной тишине. Повсюду валялись старые книги, чемоданы, коробки из-под посуды и столового серебра. Вешалка для шляп лежала в дальнем углу на обветшалом ковре, сплетенном руками прабабушки Сье́рры. Чемодан со старыми платьями, в которые маленькую Сье́рру наряжали в детстве, тоже все еще был здесь. Как и массивное овальное зеркало, которое отражало все этапы ее взросления.

Рядом, в вагоне красного игрушечного поезда брата, стояла дюжина картин в рамках. Картины были сложены вместе и прислонены к стене. Некоторые написаны маслом, над ними работал дедушка, когда вышел на пенсию. Другие представляли собой семейные портреты нескольких поколений. Банки с краской, оставшиеся после ремонта дома, сложены на полке, на случай если понадобится что-нибудь подкрасить. Одна книжная полка забита коробками из-под обуви, содержащими налоговые декларации и деловые отчеты за двадцать лет. На каждую коробку приkleены подписанные аккуратным почерком отца ярлыки. Старенькая, с облупившейся краской лошадка-качалка одиноко стояла в дальнем углу.

Мать сдвинула кое-какую мебель так, что древняя кушетка девушки Эджвортса, с ножками в виде львиных лап, расположилась

в центре чердака. Напротив — старое потертое кресло отца. Две скамеечки для ног с безобразными, заостряющимися книзу ножками, служили полками для вещей, которые мама вытащила из потрепанных чемоданов, лежавших перед ней открытыми.

Голова Марианны Клэнтон была обвязана полотенцем.

— Я подумала, что следует покопаться в этих вещах и что-то решить.

— Решить что? — рассеянно спросила Сьерра.

— Что выбросить, а что оставить.

— Почему именно сейчас?

— Мне нужно было начать уже несколько лет назад, — ответила мать с грустной улыбкой, — я просто все время откладывала.

Она оглядела захламленную комнату:

— Здесь так всего много. Частички чых-то жизней.

Сьерра погладила старую табуретку, которая стояла в небольшой кухоньке еще до реконструкции. Она вспомнила, как пришла домой из детского садика, вскарабкалась на нее и наблюдала за мамой, которая пекла печенье.

— Недавно звонил Алекс и сказал мне, что принял приглашение работать в Лос-Анджелесе.

Мать посмотрела на дочь снизу вверх. В ее глазах появилось страдание.

— Думаю, этого следовало ожидать.

— Следовало ожидать? Почему?

— У Алекса всегда были огромные амбиции.

— У него хорошая работа. Он получил заметное повышение в прошлом году, и он зарабатывает неплохие деньги. Ему дали медицинскую страховку и отличную программу по пенсионному страхованию. У нас чудесный новый дом. Нам нравятся наши соседи. Клэнтон и Каролина довольны школой. Живем рядом с родителями. Я даже не знала, что Алекс ищет другую работу, пока он не позвонил мне сегодня, — ее голос дрогнул. — Мама, он был так взволнован. Слышала бы ты его. Он сказал, что эта новая компания сделала ему фантастическое предложение, и он принял его, даже не посоветовавшись со мной.

— Что это за компания?

— Компьютеры... Игры... Штуки, в которые Алекс обожает играть, когда дома. Он встретил этих парней прошлой весной в

Лас-Вегасе на конференции по вопросам сбыта. Он даже никогда не рассказывал мне о них. Хотя он утверждает, что рассказывал, но я не помню. В последнее время Алекс обдумывал свою идею, касающуюся ролевых игр в Интернете. Игроки могут связываться друг с другом по сети, создавать армии и сценарии сражений. Он сказал, что это как раз то, что нужно его новым работодателям. И его даже не беспокоит то, что они в этом бизнесе всего три года и что они начинали работать в гараже.

— Так же начинала и компьютерная компания «Эппл».

— Здесь другое дело. Эти парни еще не успели доказать, что их бизнес будет успешным. Я не понимаю, как Алекс может отказаться от десяти лет на руководящей должности в «Хьюолтт-Паккард», когда вокруг такая безработица! Я не хочу ехать в Лос-Анджелес, мама. Все, что я люблю, находится здесь.

— Ты любишь Алекса, дорогая.

— Я бы с удовольствием пристрелила его! С каких это пор он стал принимать такие важные решения, не посоветовавшись со мной?

— А ты бы стала его слушать?

Съерра просто не могла поверить, что мать задала такой вопрос.

— Разумеется, я бы его выслушала! Почему он не подумал, что это имеет ко мне прямое отношение? — она смахнула гневные слезы со щек. — Ты знаешь, что он мне сказал, мама? Он сказал, что уже позвонил в риелторскую компанию и что к вечеру придет женщина, которая занесет наш дом в список. Представляешь? Я только что посадила нарциссы вдоль всей ограды на заднем дворе. И если он настоит на своем, я даже не увижу, как они расцветут!

Мать долго молчала. Она сложила руки на коленях и ждала, пока Съерра занималась поисками носового платка в сумочке.

Съерра высыпалась.

— Это несправедливо. Алекс никогда не принимал во внимание мои чувства, мама. Он просто все решил и сказал мне, что это обсуждению не подлежит. Вот так. Хочу я этого или нет, мы переезжаем в Лос-Анджелес. Его совершенно не заботят мои чувства, он думает только о том, чего ему хочется.

— Я уверена, Алекс не принимал необдуманного решения. Он всегда рассматривал проблему со всех сторон.

— Но с моей стороны — никогда. — Страшно расстроенная, Сьерра ходила по комнате, рассеянно взяв плюшевого медвежонка, которого в детстве часто обнимал брат. Она прижала его к груди. — Алекс вырос здесь, как и я, мама. Я не понимаю, как он может отказаться от всего и при этом радоваться.

— Возможно, к нему не так хорошо относились, как к тебе, Сьерра.

Сьерра обернулась и изумленно посмотрела на мать.

— Его родители никогда не были жестоки с ним.

— Я не имею в виду Луиса или Марию, они замечательные родители. Я говорю о тех многочисленных людях, которые с презрением относились к его латиноамериканским корням.

— В таком случае, нужно кое-что добавить к тому, что ждет его в Лос-Анджелесе. Смог. Пробки. Массовые беспорядки. Землетрясения.

Марианна улыбнулась.

— Диснейленд. Кинозвезды. Пляжи, — перечислила она, и стало совершенно очевидно, что мама смотрела на все более позитивно. Папа всегда называл ее неисправимой оптимисткой, особенно когда был страшно раздражен и у него не было настроения замечать что-либо хорошее в ситуации. То же сейчас чувствовала и Сьерра.

— Все, кого мы любим, здесь, мама. Семья, друзья.

— Вы ведь не переезжаете в штат Мэн. Всего день пути на машине из Лос-Анджелеса до Хилдсбурга. К тому же, не забывай — сейчас эра телефонов.

— Ты говоришь так, будто для тебя наш отъезд не имеет никакого значения. — Сьерра прикусила губу и отвернулась. — Мне казалось, ты поймешь.

— Если бы могла выбирать, разумеется, я бы предпочла, чтобы ты находилась рядом со мной. И я действительно все понимаю. Твои дедушка и бабушка были очень расстроены, когда я уехала из Фресно в Сан-Франциско. — Она улыбнулась. — Всего десять часов на машине, хотя тебе бы показалось, что я перебралась на обратную сторону Луны.

Сьерра грустно улыбнулась:

— Мне трудно представить тебя подругой какого-нибудь битника, живущего в Сан-Франциско, мама.

Марианна рассмеялась:

— Не труднее, чем мне представить тебя молодой женщиной с замечательным мужем и двумя очаровательными детьми.

Сьерра высыпалась еще раз.

— Замечательный муж, — пробормотала она, — он просто образчик обычновенного мужского шовинизма. Алекс, возможно, еще не потрудился сообщить новость своим родителям.

— Луис поймет его. Так же, как и твой отец понял бы. Думаю, Алекс задержался здесь на десять лет только из-за тебя. Пора тебе позволить ему полностью реализовать свои способности и талант, ему это необходимо.

Об этом Сьерре хотелось бы услышать в последнюю очередь. Она не ответила, только задумчиво касалась рукой книг на старой полке. Она знала, что слова мамы справедливы, но это вовсе не означало, что она хотела их услышать. Алекс получал и другие предложения, но от всех отказался после обсуждения с ней. Она считала, что эти решения они принимали вместе, но теперь засомневалась. Он был таким взволнованным и счастливым, когда говорил об этой работе...

Сьерра взяла с полки книжку о Винни Пухе и сдула пыль с обложки. Поглаживая ее, она вспоминала, как сидела на коленях мамы, когда та читала ей сказку. Сколько раз она слушала ее? Обложка была вся потрепана от частого пользования книгой. Только подумав об отъезде и о том, что она не сможет часто видеть маму и говорить с ней, Сьерра почувствовала себя очень несчастной, и глаза ее наполнились слезами.

— Алекс послал уведомление этим утром. — Она поставила книжку обратно на полку. — И это первое, что он сделал после звонка из Лос-Анджелеса. Только тогда он позвонил мне и сообщил «великую» новость.

Она закрыла лицо руками и расплакалась.

Когда мать обняла ее, Сьерра почувствовала облегчение.

— Все будет замечательно, дорогая, вот увидишь. — Мать успокаивающе гладила ее по спине, как ребенка. — Все имеет обыкновение меняться к лучшему. У Господа есть Свои замыслы в отношении тебя и Алекса, они направлены на созидание, а не на разрушение. Доверься Ему.

Господь Бог! Почему в любом разговоре мама упоминает Бога? И что это за замысел такой — разъединять людей? Она высвободилась из объятий матери.

— Все наши друзья здесь. Ты здесь. Я не хочу уезжать. В этом нет никакого смысла. Что Алекс сможет найти в Лос-Анджелесе, чего он уже не обрел здесь?

— Вероятно, ему необходимо доказать что-то себе.

— Он уже все доказал. Он преуспел абсолютно во всем, что делал.

— Возможно, этого недостаточно для него.

— Ему не нужно ничего доказывать мне, — вспыхнула Сьерра, и у нее перехватило дыхание, голос осекся.

— Иногда мужчинам необходимо что-то доказывать себе, Сьерра. — Марианна взяла дочь за руку. — Садись, дорогая. — Мать усадила ее на старинную выцветшую кушетку. Поглаживая дочь по руке, она грустно улыбалась. — Я помню, как Алекс рассказывал твоему отцу о тех разочарованиях, которые он пережил на работе.

— Именно отец советовал Алексу прочно обосноваться на одном месте.

— Твой отец беспокоился, что Алекс сделает то же, что и он когда-то.

Сьерра снова высморкалась и посмотрела на мать.

— Что ты имеешь в виду?

— Отец менял работу, пожалуй, раз шесть, пока не обосновался в агентстве по недвижимости.

— Правда? Я не помню этого.

— Ты была слишком маленькой, чтобы заметить это. — Марианна задумчиво улыбнулась. — Твой отец хотел стать преподавателем биологии.

— Папа? Преподавателем? — Сьерра не могла представить этого. Он бы не справился с такой работой. Первый же ученик, который бы дерзнул пострелять бумажными шариками, оказался бы в мусорном баке школьного двора вниз головой.

Марианна рассмеялась:

— Да, папа. Он провел пять лет в колледже, готовясь именно к преподаванию в школе, и уже через год практики понял, что ненавидит это. Сказал, что у всех девчонок ветер в голове, а мыслями мальчишек управляет исключительно тестостерон.

Сьерра удивленно улыбнулась:

— Даже не могу себе представить.

— Тогда папа пошел работать в лабораторию. Возненавидел и это. Заявил, что смотреть в микроскоп целый день — смертная скука. Потом он пошел работать в магазин мужской одежды.

— Папа? — снова переспросила ошеломленная Сьерра.

— Да, папа. Вы с Майком учились в школе, когда он уволился. После этого посещал курсы офицеров полиции. Я также категорически воспротивилась этому, как ты сейчас переезду в Лос-Анджелес. — Она опять похлопала Сьерру по руке. — Но все было к лучшему. Я беспокоилась за него, изводилась бессонными ночами. Я была уверена, что с ним что-то случится. Те годы были самыми плохими в моей жизни. И наш брак страдал от этого. Но однажды на меня снизошло величайшее благословение. Я стала христианкой. В это время твой отец работал в дорожном патруле в ночную смену.

— Я всего этого не знала, мама.

— А с чего бы? Редко какая мать рассказывает своим детям о подобных вещах. Тебе было четыре, а Майку семь. Вы не были счастливы. Ты чувствовала напряжение между нами и ничего не понимала. Ты нечасто видела своего отца, когда он был дома, потому что днем он спал. Я постоянно следила за тем, чтобы вы не шумели, всегда были заняты играми и задачками, подолгу гуляла с вами. Ночная работа и стресс вредили здоровью папы, но думаю, что, в конечном итоге, именно разлука с тобой и Майком вынудила его уволиться. И прежде чем он сделал это, он прошел курсы переподготовки, чтобы получить лицензию для торговли недвижимостью. Он попробовал, и ему понравилась эта работа. Он начал свое дело именно в то время, когда торговля недвижимостью была очень выгодным бизнесом, словно Господь подсказал ему. В течение двух лет после получения лицензии твой отец стал одним из ведущих риэлторов в округе Сонома. У него было столько работы, что он перестал заниматься жильем и стал специализироваться на коммерческой собственности.

Она сжала руку Сьерры.

— Вот что я тебе хочу сказать, дорогая. Шестнадцать лет потребовалось твоему отцу, чтобы сделать карьеру на том поприще, которое было ему по душе. — Она улыбнулась. — Алекс знал, чего хочет, когда поступил в колледж. Проблема в том, что у него никогда не было возможности заняться разработкой компьютерных

игр профессионально. Ты можешь сделать ему величайший подарок — позволить свободно расправить крылья.

И опять Сьерре совсем не это хотелось услышать.

— Ты говоришь так, будто я тяжелой гирей повисла у него на шее. — Она поднялась и снова стала вышагивать по комнате. — Мне бы хотелось, чтобы со мной считались. Неужели это так трудно понять? Алекс даже не обсуждал это предложение со мной, он сначала его принял, а затем просто поставил меня перед фактом, это несправедливо.

— А кто сказал, что жизнь справедлива? — отозвалась Марианна, скрестив руки на груди.

Сьерра будто оправдывалась и от этого злилась еще больше.

— Папа никуда не вынуждал тебя переезжать.

— Нет, но я бы с восторгом отнеслась к такому предложению.

Сьерра резко обернулась и уставилась на нее.

— Я думала, ты любишь Хилдсбург.

— Теперь — да. Когда я была моложе, все, о чем я мечтала — это уехать подальше отсюда. Я думала о том, как чудесно жить в таком большом городе, как Сан-Франциско, где жизнь кипела и бурлила. Ты знаешь, я выросла в Центральной долине на бабушкиной ферме, и поверь мне, дорогая, жизнь там была наискучнейшей. Мне хотелось ходить в театры и посещать концерты. Мне хотелось погрузиться в атмосферу музеев и искусства. Мне хотелось гулять по парку близ «Золотых ворот». И, несмотря на предупреждения и мольбы моих родителей, я осуществила все эти желания.

— И встретила папу.

— Да, он защитил меня от хулиганов в Пен-Хендле.

Сьерра вспомнила свадебную фотографию на каминной полке. Тогда волосы отца были длинными, его «смокинг» состоял из поношенных джинсов и тяжелых ботинок. Мама была одета в черный свитер с высоким воротом и в брюки «капри»; а в ее длинные, до пояса, темно-рыжие волосы были вплетены цветы. Каждый раз, когда Сьерра смотрела на эту фотографию, у нее возникали противоречивые чувства, ведь она совсем не так представляла родителей. Когда-то они были молодыми и непокорными.

Марианна улыбалась, поглощенная воспоминаниями.

— Если бы все было по-моему, то мы обосновались бы в Сан-Франциско.

— Прежде ты никогда не говорила об этом.

— Когда у меня появились дети, то кардинально изменились представления о самом необходимом в жизни. Скоро и в твоей жизни тоже наступит момент, когда старые взгляды уступят место новым. Жизнь не стоит на месте, Сьерра. А все благодаря Господу! Она в постоянном движении. Иногда мы оказываемся в бурном потоке, и нас неумолимо несет туда, куда, собственно, мы никогда не стремились. И только потом мы понимаем, что на протяжении всего пути нас вело Божье пророчество.

— Не Бог принял решение переехать в Лос-Анджелес. А Алекс. Но тогда, полагаю, он считает себя Богом.

Сьерра была возмущена, она старалась не поддаваться чувству жалости к себе и вины. Эмоции кипели: горькая обида на Алекса за то, что он принял решение, не посоветовавшись с ней; гнетущий страх того, что даже если она будет с ним спорить, то в любом случае окажется в проигрыше; паническая боязнь оставить столь комфортную и привычную жизнь.

— Что мне делать, мама?

— Тебе решать, дорогая, — нежно, со слезами сочувствия, сказала мать.

— Мне нужен твой совет.

— Вторая главнейшая заповедь гласит, что мы должны любить других, как мы любим самое себя, Сьерра. Забудь о себе и подумай о том, что нужно Алексу. Люби его, и все.

— Если я так поступлю, он сядет мне на голову. В следующий раз он найдет работу в Нью-Йорке!

Не успев закончить фразу, Сьерра поняла, что несправедлива. Алекс подарил ей двух прекрасных детей, чудесный дом в Виндзоре с тремя спальнями и спокойную счастливую жизнь. И жизнь эта была настолько размеренной, что в действительности она даже не подозревала о бушевавших в нем страстиах. Осознав это, Сьерра испугалась. Она вдруг ощущила, что не настолько хорошо знает мужа, как думала.

Сьерра не видела выхода. Ей вдруг захотелось забрать детей из школы и вернуться сюда, в дом на Мэтсен-стрит, и предоставить Алексу самому разбираться с женщиной из агентства по недвижимости. Он не сможет продать дом, если Сьерра не подпишет договор. Но Сьерра знала и то, что Алекс будет вне себя от ярости, если

она так поступит. Несколько раз она ненамеренно задевала его, и он страшно злился, делался холодно безразличным и замолкал. В его семье было не принято кричать. Ей даже не хотелось думать о том, как он отреагирует, если на сей раз она намеренно обидит и разозлит его.

— Может, лучше отвлечься немного, на пару часиков, а позже подумать об этом на свежую голову? — предложила Марианна.

С болью в сердце Сьерра снова села на кушетку. Она посмотрела на открытый чемодан и груды коробок.

— Почему ты делаешь все это сейчас, мама?

Что-то неуловимое промелькнуло в глазах матери.

— Прекрасное занятие для зимней поры, не находишь? — Марианна огляделась. — Здесь такой беспорядок. Мы с отцом хотели разобраться с этим еще несколько лет назад, но тогда... — она погрустнела, — время имеет свойство ускольззать. — Она обвела комнату взглядом — скопление нелепых предметов, потерявших свою значимость и смысл. — Я не хочу взваливать весь этот хаос на ваши с Майком плечи.

Мама поднялась, обошла чердак, легко тронула старое кресло-качалку, полку, детскую коляскую.

— Я хочу разобрать и сложить ваши с Майком вещи в тот северный угол. Решайте сами, что стоит сохранить, а что выбросить. А фамильные вещи наших с отцом семей я заново упакую. Большую часть деловых бумаг твоего отца можно сжечь. Нет никакой необходимости хранить их. По поводу картин дедушки... некоторые из них уже портятся.

— А некоторые из них просто ужасны, — улыбаясь, заметила Сьерра.

— Точно, — со смехом согласилась мать. — Живопись очень занимала дедушку. — Она остановилась у окна, задумчиво посмотрела на лужайку перед домом. — Здесь полно семейных бумаг, и у меня впереди целая зима, чтобы привести их в порядок для вас с Майком. — Мать повернулась и улыбнулась дочери. — Да, это трудная задачка, но думаю, это будет весело и интересно.

Мать снова села на кушетку с цветочным узором.

— Этот сундучок принадлежал Мэри Кэтрин Макмюррей — одной из твоих прародительниц. Она ехала сюда через прерии,

это было в 1847 году. Когда ты вошла, я как раз просматривала ее дневник, — сказала мама, вытащив из сундука небольшую тетрадь в кожаном переплете, и провела по ней рукой. — Только-только начала. Очевидно, поначалу это была тетрадь для записей, а затем стала дневником.

Она положила дневник на кушетку. Сьерра взяла тетрадь, открыла и стала разбирать детские каракули на первой странице:

Мама говорит, что жизнь в глухи, еще не причина, чтобы быть неграмотной. Ее папа был образованным человеком и ни хотел, чтобы в его семье были дураки.

— Сундучок был частью имущества дедушки Клэнтона, — заметила мама. — Годами я не разбирала эти вещи. — Она вытащила небольшую, украшенную тонкой резьбой деревянную шкатулку. — О, я помню ее, — воскликнула она, улыбаясь.

Внутри был вышитый шелковый платок. Марианна осторожно развернула его и показала Сьерре старинную золотую цепочку и крестик, украшенный аметистами.

— Какая прелесть, — воскликнула Сьерра и, залюбовавшись, взяла крестик в руки.

— Бери, если хочешь.

— С радостью, — поспешило откликнуться Сьерра, щелкнула маленьkim изящным замочком и надела цепочку с крестиком.

Мама достала ферротипию* в овальной рамке. Молодожены в свадебных нарядах, лица которых выражали скорее торжественную серьезность, нежели безмерное счастье. Жених, одетый в черный костюм и накрахмаленную рубашку, был красив, его темные волосы зачесаны назад, полностью открывая точеные черты лица и светлые внимательные глаза. Голубые, подумала Сьерра. Должно быть, голубые, раз они такие светлые на фотографии. Невеста юная и очень хорошенъкая. На ней роскошное, в кружевах,

* Ферротипия — один из способов получения фотографического изображения на жестяных пластинках, покрытых асфальтом и коллонием; разработан в XIX в., использовался до середины 50-х гг. XX в.

свадебное платье викторианской эпохи. Она сидела, в то время как жених стоял, уверенно положив руку на ее плечо.

Съерра достала другую коробку. Внутри, завернутая в тонкую бумагу, находилась небольшая плетеная и затейливо украшенная индейская корзинка. Верхняя ее часть по внешнему краю была отделана бусами и перепелиными перьями.

— Я думаю, это подарочная корзинка, мама. Она стоит больших денег. Почти такая же выставлена в индейском музее в форте Саттера.

— В коробке есть что-нибудь, что может сказать о ее происхождении?

Съерра вынула из коробки все, что в ней было, и покачала головой.

— Ничего.

— Посмотри на эту старинную Библию, — рассеянно сказала Марианна. Когда она открыла книгу, несколько листов выскользнуло и упало на пол. Она подняла листы и положила на кушетку рядом с собой. Съерра подняла один пожелтевший от времени листок и прочитала текст, написанный изящным почерком:

Дорогая Мэри Кэтрин,

я надеюсь, что ты изменила свое отношение к Богу. Он очень любит тебя, и Он хранит тебя. Я не знаю, с какими трудностями и потерями вам предстоит столкнуться на пути в Орегон, или что случится, когда вы достигнете цели. В чем я действительно уверена, так это в том, что Бог никогда не покинет и не отвергнет тебя.

С тобой моя любовь, я молюсь за тебя утром и вечером. Бетси и Кловис, а также дамы из швейного общества заверяют тебя в своей любви. Да благословит Господь ваш новый дом.

Тетя Марта

Марианна перелистала черную, в потрескавшемся кожаном переплете Библию, затем взяла ту ее часть, что лежала отдельно.

— Посмотри, какие потрепанные страницы, — она улыбнулась. — Мэри Кэтрин любила читать Евангелие.

Мать взяла из рук Сьеरры записку и прочла. Затем поместила ее между страницами книги, аккуратно положила Библию рядом с дневником Мэри Кэтрин Макмюррей.

Сьеरра вытащила древнюю, полуразвалившуюся шляпную коробку. На крышке она обнаружила сделанную красивым каллиграфическим почерком надпись, которая гласила: «Сохранить для Джошуа Макмюррея». В коробке она нашла деревянные фигурки животных, каждая из которых была заботливо обернута в лоскутки цветастого ситца или клетчатой льняной ткани. Сьеरра развернула по порядку всех зверей — свирепого волка; величавого бизона; свернувшуюся в клубок гремучую змею; луговую собачку, стоящую на задних лапах; потешного кролика; прекрасную лань; двух горных козлов, сцепившихся рогами в жестокой битве; и медведя гризли, стоящего на задних лапах и готового к нападению.

На дне коробки лежал большой бумажный сверток, перевязанный веревкой.

— Я не помню этого свертка, — сказала мама и сдвинула веревку, чтобы можно было заглянуть под обертку. — О, — изумленно воскликнула она, — я думаю, это лоскутное одеяло.

Она развернула его, протянула один конец Сьеरре, затем встала и расправила одеяло так, чтобы его можно было полностью рассмотреть.

Одеяло действительно оказалось лоскутным, да еще и с картинками. Оно состояло из квадратиков, сшитых из сотен различных кусочков ткани. Каждый квадратик представлял собой картинку и был окаймлен коричневой тканью, как рамкой. Все квадратики были сшиты друг с другом алой нитью, и каждый прошит своим стежком: простым, крестиком, зигзагообразным, похожим на листья папоротника, оливковые веточки или звездочки, «елочкой», открытым критским, отделочным, тамбурным, колосковым, португальской канвой.

— Какая прелесть, — воскликнула Сьеरра, которой страшно захотелось забрать одеяло себе.

— Если бы я знала, что оно здесь, я бы давно почистила и повесила его на стену в гостиной, — сказала мама.

Сьеरра принялась разглядывать квадратики один за другим. На одном из них была картинка с изображением усадьбы, мужчины, женщины и троих детей. Два мальчика и девочка стояли на

открытом месте между хижиной и коровником. Второй квадратик состоял из ярких язычков пламени. На третьем был изображен младенец в яслях, девочка, наблюдающая за ним, а вокруг них стущалась темнота.

Внизу зазвонил телефон. Секундой позже зазвенел переносной аппарат. Мама передала Сьерре свой край одеяла и подошла к телефону, который лежал на коробке.

— Да, она здесь, Алекс.

Сердце Сьерры дрогнуло. Руки снова затряслись, она сложила одеяло и прислушалась к тому, что говорила мать.

— Да, она сказала мне. Да, но этого следовало ожидать, Алекс, — в тоне матери не было ни капельки осуждения или разочарования. Некоторое время она молча слушала. — Я знаю это, Алекс, — сказала Марианна очень мягко, слегка севшим от переполнявших ее эмоций голосом, — и я всегда была благодарна. Тебе не надо ничего объяснять. — Снова помолчала. — Так скоро, — упавшим голосом сказала мама. — Как твои родители отнеслись к этому? Ну, думаю, для них это тоже будет потрясением. — Улыбка едва тронула ее губы. — Конечно, Алекс. Ты знаешь, я буду. Дай мне знать после разговора с ними, и я позвоню.

Марианна прикрыла рукой трубку:

— Алекс хочет поговорить с тобой.

Сьерра хотела было сказать, что не желает говорить с ним, но поняла, что это поставило бы маму в неловкое положение. Она убрала одеяло обратно в коробку и подошла, чтобы взять трубку.

— Я сварю кофе, — сказала Марианна с мягкой улыбкой.

Сьерра проводила ее взглядом, прекрасно понимая, что мама предоставляет ей возможность наедине поговорить с Алексом. Самые разные эмоции нахлынули на нее — от облегчения до отчаяния. Мама не сказала ни одного неодобрительного слова по поводу решения Алекса. Почему?

— Да? — сказала Сьерра в трубку еле слышно. Голос был глухим. Ей хотелось накричать на него, но она едва дышала от боли в груди. В горле пересохло.

— Я беспокоился о тебе.

— Да? — С чего бы ему беспокоиться о Сьерре? Не потому ли, что он разрывает ее жизнь на части? Обида снова захлестнула ее, и глаза наполнились горячими слезами.

— Ты немногословна.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Что я счастлива?

Он вздохнул:

— Полагаю, ожидать такого было бы слишком, учитывая, что мне представляется величайшая возможность сделать блестящую карьеру.

Она почувствовала легкий оттенок разочарования и гнева в его голосе. Какое он имеет право злиться на нее после того, как принял такое жизненно важное решение и даже не намекнул ей об этом?

— Я уверена, дети будут в ужасе, когда услышат, что их отрывают от друзей и семьи.

— Мы — их семья.

— А мама? А твои родители?

— Мы ведь переезжаем не в Нью-Йорк, Сьерра!

— Полагаю, ты припас этот сюрприз до следующего года.

Воцарилось молчание. Ее сердце бешено заколотилось. Она почти физически ощущала нарастающую в нем ярость.

«Остановись сейчас, — предостерег ее внутренний голос. — Остановись, пока ты не зашла слишком далеко...»

Но она не пожелала взять ему.

— Тебе нужно было хотя бы намекнуть, что происходит, Алекс, — произнесла Сьерра, лихорадочно сжимая трубку.

— Я сделал больше, чем намекнул. Я рассказал тебе об этой компании несколько недель назад. Вот уже четыре года я рассказываю тебе о том, что хочу делать. Проблема в том, что ты не слушаешь.

— Я слушаю.

— И никогда не слышишь.

— И слышу тоже!

— Тогда послушай это. Все десять лет мы жили по-твоему. Может, просто для разнообразия ты могла бы позволить мне что-то сделать по-своему?

Щелчок.

— Алекс?

Тишина. Сьерра вздрогнула от неожиданности. Она уставилась на трубку, словно та обернулась ядовитой змеей. Алекс никогда прежде не бросал трубку при разговоре с ней.

Сьерра спустилась вниз, сейчас она ощущала себя еще хуже, чем до приезда. Манящий аромат ее любимого свежесмолотого кофе наполнял кухню. Любимыми были и печенья. Мама поставила десертную тарелку с печеньем в солнечную нишу. Марианна явно хотела поднять настроение дочери. Но у нее не было ни малейшего шанса. Сьерра швырнула трубку на красивую, вышитую цветами скатерть, покрывавшую маленький столик, и плюхнулась в кресло.

— Алекс бросил трубку. — Мать налила ей кофе. — Он прежде никогда так не делал, — продолжала Сьерра. Когда она взглянула на маму, голос ее осекся. Алекс принял решение, которое, он знал, разрушит ее жизнь, и бросил трубку! — Он сказал, что я его не слушаю.

Марианна поставила кофейник на подставку в виде подсолнуха и села напротив.

— Иногда мы слышим лишь то, что хотим слышать.

Она взяла со стола кофейную чашку и задумчиво сделала глоток.

— Ты выглядишь уставшей, мама.

— Я не очень хорошо спала прошлой ночью. Все время думала о твоем отце. — Ее губ коснулась легкая улыбка, выражение лица смягчилось. — Иногда я представляю, как он сидит в кресле перед телевизором и смотрит программу новостей. В доме скрипнуло, и я проснулась — мне показалось, что я услышала шаги твоего отца. — Марианна печально улыбнулась, она не отрывала взгляда от своей чашки. — Мне его не хватает.

— Мне тоже его не хватает — возможно, он смог бы отговорить Алекса от переезда в Лос-Анджелес.

Марианна подняла голову и посмотрела на дочь с улыбкой.

— С твоим отцом тоже было нелегко, Сьерра, но он был достойным человеком.

— Если Алекс настоит на своем, я поеду, но не стану улыбаться и притворяться счастливой.

— Может, и не надо, но будет лучше, если ты внутренне примешь его решение. Обида и гнев разъедают любовь так же быстро, как ржавчина разъедает садовый металлический стул, там, на заднем дворе. Одна из величайших трагедий жизни — видеть гибель отношений из-за проблемы, которую можно было бы решить, обсудив ее в одном разумном, взрослом разговоре.

Слова матери больно ранили Сьерру.

— Один разговор не в состоянии изменить натуру Алекса.

— В таком случае, все зависит от того, чего ты сама на самом деле хочешь.

Сьерра заглянула полными слез глазами в ясные карие глаза матери.

— Что ты имеешь в виду?

Марианна потянулась к дочери и взяла ее за руку.

— Все просто, Сьерра. Тебе во что бы то ни стало нужно добиться своего? Или тебе нужен Алекс?

О ГЛАВЛЕНИЕ

<i>Благодарность</i>	5
I часть. Зов	9
Глава 1	10
Глава 2	36
II часть. Все сначала	43
Глава 3	44
Глава 4	49
Глава 5	58
Глава 6	72
Глава 7	91
Глава 8	115
Глава 9	125
Глава 10	147
Глава 11	157
Глава 12	170
III часть. Капитуляция	187
Глава 13	188
Глава 14	206
Глава 15	220
Глава 16	230
Глава 17	246
Глава 18	271
Глава 19	291
Глава 20	301
Глава 21	309
Глава 22	328
Глава 23	344
Глава 24	356
IV часть. Примирение	369
Глава 25	370
Глава 26	380
Глава 27	389